

В. Ингимундарсон¹

«ПОПУЛИСТСКИЙ МОМЕНТ» И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ (БЕС)ПОРЯДОК

Введение

Во время обсуждений и споров о подъеме популистских партий правого толка это явление было охарактеризовано не только как рожденное из фашизма прошлых лет² или как реакция на современное беспокойство из-за культуры, социальной нестабильности и отсутствия безопасности, порождаемых глобальными неолиберальными программами³. Этот подъем также рассматривается как системная коррекция политики, которая сильно отделилась от людей⁴ или, по словам Каса Мудде, как «нелиберальный демократический ответ на недемократический либерализм»⁵. Учитывая эти противоречивые интерпретации, не приходится удивляться, что популисты, выступающие против истеблишмента, иногда описываются как находящиеся одновременно во враждебных и дружественных отношениях с демократией⁶. Эксклюзивистские мнения и идеи о том, что представляет собой демос, сопоставляются с мнениями и идеями, где подчеркивается спасительный потенциал демократии, на основании чего «народ» должен принимать решения о своем будущем путем прямого выражения своей суверенной воли⁷. Связь праворадикальных партий с популизмом⁸, который имеет собственные четкие левосторон-

ние исторические линии, является еще одним осложняющим фактором. Некоторые ученые, как, например, Мудде и Кристоаль Кальтвассер, утверждают, что популизм представляет собой так называемую «тонкую идеологию»⁹ (эта концепция взята у Майкла Фридена), и она присоединяется к «главенствующей идеологии», которая может быть как в левом крыле, так и в правом. Такое гибкое определение, которое предполагает организованную, хотя и мимолетную и быстропроходящую реакцию на различные политические условия, сопряжено с риском стирания концепции исторических масштабов, а также происхождения, преемственности и родства концепций¹⁰. Поскольку формы популизма левого и правого толка часто являются прямо противоположными, их слияние или объединение не включает важнейших идеологических различий. Критика леворадикальными партиями социального неравенства и отождествление либерализма с демократией определенно основываются на дискурсах, направленных против элиты¹¹. Но критика ультраправыми элит от лица народа и во имя народа может частично рассматриваться как реакция на антидемократическую технократию, это скорее антиполитика, основанная на этнонационализме и социально-культурном консерватизме. По этой причине некоторые ученые, такие как Жак Рансьер, не хотят использовать ярлык популизма, поскольку в этом случае сливаются критические оценки неолиберализма левых и расистские традиции правых¹². По его мнению, моралистическое осуждение популизма во всех его проявлениях сводится к попыткам представителей элиты редуцировать выражение демократической воли народа. Учитывая, что термин широко распространен, от него бессмысленно отказываться. При этом постоянно напоминает о себе отсутствие четкого определения, которое учитывало бы не только амбивалентную историю популизма как политической категории, но и то, как он использовался и продолжает использоваться на практике.

В настоящей работе я исследую европейский популизм правого толка — как идеологию и основу формирования партий — с точки зрения выхода за пределы одного государства и сравниваю различные его проявления. Исторически популизм правых должен рассматриваться как часть традиции, которая восходит к двум мировым войнам и периоду холодной войны¹³.

American and European Politics. N. Y. : Columbia Global Report, 2016 ; Mouffe C. For a Left Populism. L. ; N. Y. : Verso, 2018 ; Eatwell R., Goodwin M. National Populism: The Revolt against Liberal Democracy. L. : Penquin, 2018.

⁶ Mudde C., Kaltwasser C. R. Populism. Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. P. 18–20.

⁷ Canovan M. Trust the people! Populism and the two faces of democracy // Political Studies. 1999. Vol. 47, iss. 1. P. 2–16.

⁸ О популизме см.: Mudde C. The Populist Radical Right: A Reader. L. ; N. Y. : Routledge, 2017 ; Mudde C., Kaltwasser C. R. Populism ; Finchelstein F. From Fascism to Populism in History ; The Ideational Approach to Populism: Concept, Theory, and Analysis / K. A. Hawkins, R. E. Carlin, L. Littvay, C. R. Kaltwasser (eds.). L. ; N. Y. : Routledge, 2019 ; Müller J.-W. What is Populism? Philadelphia : Univ. of Pennsylvania, 2016 ; Urbinati N. Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People. Cambridge : Harvard Univ. Press, 2014 ; Moffitt B. The Global Rise of Populism: Performance, Style, and Representation. Stanford : Stanford Univ. Press, 2016 ; Judis J. B. The Populist Explosion: How the Great Recession Transformed

¹ Профессор современной истории Университета Исландии (Рейкьявик), председатель правления Центра передового опыта EDDA, ассоциированный сотрудник Королевского объединенного института оборонных исследований в Лондоне. Приглашенный профессор Лондонской школы экономики, Высшей школы социальных наук в Париже, Свободного университета в Берлине, Шанхайской академии международных исследований, доктор философии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Повстанческий союзник: Исландия, США и имперская политика. 1945–2006», «Геополитика арктических природных ресурсов», «Топография глобализации: политика, культура, язык», «Культуры холодной войны: перспективы западно- и восточноевропейских стран», «Исландский финансовый кризис: Политика обвинения, протеста и реконструкции», и глав в книгах «Арктическая безопасность в эпоху климатических изменений» и «НАТО: первые пятьдесят лет» и др. Редактор научных журналов «История холодной войны», «Журнал исследований холодной войны», «Журнал славянских военных исследований», «Журнал полярных исследований».

² Finchelstein F. From Fascism to Populism in History. Oakland : Univ. of California Press, 2017.

³ См.: Ignazi P. The Extreme Right Parties in Western Europe. Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2003.

⁴ Mudde C. The problem with populism // The Guardian. 2015. Feb. 17.

⁵ См., например, недавнюю работу, в которой очевидно одобрительное отношение к теме: Eatwell R., Goodwin M. National Populism: The Revolt against Liberal Democracy. L. : Penquin, 2018.

⁶ Mudde C., Kaltwasser C. R. Populism. Oxford : Oxford Univ. Press, 2017. P. 18–20.

⁷ Canovan M. Trust the people! Populism and the two faces of democracy // Political Studies. 1999. Vol. 47, iss. 1. P. 2–16.

⁸ О популизме см.: Mudde C. The Populist Radical Right: A Reader. L. ; N. Y. : Routledge, 2017 ; Mudde C., Kaltwasser C. R. Populism ; Finchelstein F. From Fascism to Populism in History ; The Ideational Approach to Populism: Concept, Theory, and Analysis / K. A. Hawkins, R. E. Carlin, L. Littvay, C. R. Kaltwasser (eds.). L. ; N. Y. : Routledge, 2019 ; Müller J.-W. What is Populism? Philadelphia : Univ. of Pennsylvania, 2016 ; Urbinati N. Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People. Cambridge : Harvard Univ. Press, 2014 ; Moffitt B. The Global Rise of Populism: Performance, Style, and Representation. Stanford : Stanford Univ. Press, 2016 ; Judis J. B. The Populist Explosion: How the Great Recession Transformed

⁹ См.: Stanley B. The thin ideology of populism // Journal of Political Ideologies. 2008. Vol. 13, iss. 1. P. 95–110 ; Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. № 39. P. 542–563 ; Laclau E. On Populist Reason. L. : Verso Books, 2005 ; Freedman M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford : Clarendon Press, 1996 ; Idem. Ideology and Political Theory // Journal of Political Ideologies. 2006. № 11. P. 3–22.

¹⁰ См.: Finchelstein F. From Fascism to Populism in History. P. 130.

¹¹ Ibid. C. 134.

¹² Rancière J. Hatred of Democracy. L. : Verso, 2006. P. 79–80.

¹³ Finchelstein F. From Fascism to Populism in History.

Он существует в нескольких формах¹ и уходит корнями в различные политические среды²: может быть частью «наследия фашизма», неофашизма, неоллиберализма и выступлений против повышения налогов. Я привожу здесь аргументы в пользу существования функциональных связей между праворадикальными партиями — современными и существовавшими в период между двумя мировыми войнами³. Несмотря на их различные позиции по отношению к либеральной демократии, у них есть общие интересы и программы действий в отношении представителей элиты, по этнонациональному вопросу, традиционным социальным и культурным проблемам. Однако более важным является их поведение в рамках политических систем. В то время как популисты не используют насилие, как делали фашисты, они готовы заключать альянсы с консервативными элитами ради достижения своих целей в плане получения власти и мест в правительстве⁴.

Партийные платформы европейских праворадикальных партий, за исключением явно связанных с фашистскими корнями или идеологией, как, например, «Золотая заря» в Греции, имеют общие черты, которые не только подчеркивают их транснациональный характер, но и показывают их принадлежность к одной группе партий. Борясь за голоса избирателей с популистами правого крыла, консервативные партии из Северной и Западной Европы, за небольшим, но важным исключением, в частности в Германии, Франции и Швеции, ускорили принятие праворадикальных партий в политический мейнстрим, и это стало частью стратегии управления. Однако это сотрудничество идет не по одной общей схеме. Некоторые консервативные партии, особенно в северных странах, не готовы заходить так далеко, как другие, в нейтрализации популистских правых партий через полуавторитарное правление, как в Венгрии и Польше, или в том, что можно назвать «слизванием» программ, как в Австрии, по таким вопросам, как иммиграция и ислам.

«Кризис представительства»: связи между популизмом и демократией

Теоретики популизма определяют концепцию различными способами, но чаще всего описывают ее с точки зрения антагонистических отношений между «народом» и элитами. Мудде и Кальтвассер утверждают, что, как и другие идеологии, такие как либерализм, национализм или социализм, популизм может давать положительные или отрицательные результаты: как потенциальная корректировка или угроза демократии в зависимости от политического контекста⁵. С одной стороны, как демократизирующая сила он защищает принцип народного суверенитета с целью предостав-

ления возможностей группам, которые считают, что политический истеблишмент не представляет их интересы. С другой стороны, это может привести к авторитарным изменениям и конфликту с либеральной демократией из-за отказа от плюрализма, включая права меньшинств⁶.

Ян-Вернер Мюллер, который в первую очередь сосредоточивает внимание на популизме правого крыла, утверждает, что популисты правого крыла хотят отождествлять себя с «народом» в попытке представлять его эксклюзивным образом. Он ставит знак равенства между либеральной демократией и демократией и подчеркивает, что популизм никогда не сможет улучшить политическую систему, ведомую элитой. Таким образом, популистское разграничение «чистого народа» и «коррупцированной элиты» включает особую моралистическую политическую фантазию. «Народ» не существует в реальном мире, поскольку это воображаемая конструкция, созданная в антидемократических целях. В то время как Мюллер допускает, что практики либеральной демократии оставляют желать лучшего в ряде стран, ее следует защищать от ложных обещаний популизма о демократическом обновлении⁷. Принимая такую морализаторскую и оборонительную позицию, он не говорит то, что утверждают теоретики, критикующие демократию, такие как Яннис Ставракис и Антон Ягер, которые считают, что в век усиления социального неравенства и технократии элиты более других виноваты в отделении либерализма от демократии и обычно создают условия для нынешнего подъема популистских правых партий⁸. На самом деле провал политических элит до и после финансового кризиса 2008 года может хотя бы частично объяснить снижение доверия к либерально-демократическим институтам.

Тем не менее Надя Урбинати, как и Мюллер, утверждает, что популизм искажает демократические институты, так как делает трудно управляемой полемику между меньшинством и большинством⁹, и что стратегия, включающая гегемонистскую политику, представляет риск превращения в средство достижения целей для реакционного авторитаризма, использующего популизм для своей победы¹⁰. В случае успеха это может привести к уходу от репрезентативной и конституционной демократии. Вместо этого Урбинати подчеркивает ключевую роль «посреднических органов» в либеральных демократиях, которые способны передавать политические требования из нижних слоев партии элите без прямого объединения, предлагаемого популистами-демагогами, или неограниченной демофобии технократов из элиты¹¹.

Все эти мнения подчеркивают, что доминирующей тенденцией в научных кругах является определение популизма исключительно в «умозрительных» терминах — как дискурса, идеологии или мировоззре-

¹ *Гриффитс Р.* Фашизм. Лондон: Continuum, 2006. С. 150–152.

² *Halikiopoulou D., Vasilopoulou S.* Support for the Far Right in the 2014 European Parliament Elections: A Comparative Perspective // *The Political Quarterly*. 2014. Vol. 85, iss. 3. P. 286.

³ См.: *Finchelstein F.* From Fascism to Populism in History. P. 251.

⁴ См.: *Fascists and conservatives. The radical right and the establishment in twentieth-century Europe* / M. Blinkhorn (ed.). L.: Unwin Hyman, 1990; *Fascism and the right in Europe, 1918–1945* / M. Blinkhorn (ed.). L.: Longmans, 2000.

⁵ *Mudde C., Kaltwasser C. R.* Populism. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. P. 18–20.

⁶ *Mudde C., Kaltwasser C. R.* Populism. С. 79.

⁷ *Müller J.-W.* What is Populism? Philadelphia: Univ. of Pennsylvania, 2016. P. 6, 10–11, 76.

⁸ См.: *Stavrakakis Y., Jäger A.* Accomplishments and limitations of the «new» mainstream in contemporary populism studies // *European Journal of Social Studies*. 2018. Vol. 21, iss. 4. P. 547–565.

⁹ *Urbinate N.* Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People. P. 149.

¹⁰ *Ibid.* P. 137, 153.

¹¹ *Urbinate N.* A revolt against intermediary bodies // *Constellations*. 2015. № 22. P. 484–485.

ния. Упор на радикальную настроенность популизма против элит в большой степени скрывает не только его сотрудничество с консервативными элитами, но и его функциональные роли в рамках либерально-демократических систем.

В Европе праворадикальные партии выиграли от «разрегулирования» либерально-демократических систем. И если ослабление умеренных левых открыло пространство для леворадикальных и некоторых «зеленых» партий, общим результатом этой политической перестройки стало усиление партий правого толка. Было предложено несколько объяснений сокращения и ослабления левых партий: принятие глобалистской неолиберальной программы в десятилетие перед финансовым кризисом 2008 года, символизируемое идеологией «Третий путь», и увеличение отрыва от рабочего движения. Это позволило популистским праворадикальным партиям проложить путь на территории, где традиционно голосовали за левых. В дополнение к этому популистского толка соединили просоциальную позицию с риторикой, направленной против элит и иммиграции.

Шанталь Муффе утверждает, что наступил «популистский момент», сигнализируя о кризисе неолиберальной гегемонии, установленной в 1980-е годы. Более того, она предсказывает, что центральная ось политического конфликта в ближайшем будущем окажется между популизмом правого и левого толка. Опыт тэтчеризма в Великобритании, по ее утверждению, показывает, что в европейских обществах можно вызвать трансформацию существующего порядка без разрушения либерально-демократических институтов¹. Учитывая нынешнюю слабость левых, трудно увидеть, как популистская стратегия обеспечит их оружием, необходимым для противостояния праворадикальным партиям. Но нет сомнений, что электоральные успехи популистов правого крыла в Европе нужно рассматривать в контексте более широких социальных тенденций — усиления социального неравенства, происходящего из неолиберальных программ глобализации (что символизирует серьезный экономический спад, получивший название «Великая рецессия»), и такой реакции, как «идентитаризм» (термин, используемый для обозначения идеологии европейских новых правых), на фоне мультикультурализма, запущенного недавним притоком иммигрантов.

Смешанные идеологические послы

Европейские популистские партии правого толка обычно принимают программы, в которых подчеркивается «чистое» национальное прошлое и культурная однородность, а исторические мифы, включая воплощение европейского «государства всеобщего благосостояния», особенно в северных странах, играют важную роль в проектах формирования эксклюзивистской идентичности. Они также строятся на идее этноплюрализма как диаметрально противоположной мультикультурализму идеологической установке. Популисты пропагандируют монокультуру, чтобы убедить в необходимости сохранения уникальных национальных черт, и изоляцию друг от друга разных этнических групп, так как любая «смесь» приведет к упадку культуры. Некоторые ученые не считают этот аргумент частью традиционного расистского

дискурса, потому что этноплюрализм не должен быть иерархическим и состоять из «высших» и «низших» этнических групп². Но эта идеологическая установка, имеющая очевидный антиисламский подтекст, к тому же определенно является частью расистской традиции. «Равенство порознь» было рефреном у тех в США, кто пытался сохранить сегрегацию Юга во время борьбы за гражданские права в 1950–1960-х годах.

Также можно обнаружить сходство программ. Как и праворадикальные партии в период между двумя мировыми войнами, современные ультраправые обычно отказываются определять себя, используя традиционное деление на две части — правых и левых. Их программа нацелена на маргинальные группы, и они, по выражению Йенса Ридгрена, предлагают новый «ведущий кадр», соединяющий национальное своеобразие и риторику, направленную против истеблишмента³. Большинство популистских партий правого толка отказались от открытой связи с историческим расизмом или фашизмом, однако, например, Маттео Сальвини, лидер партии «Лига Севера», после того как стал министром внутренних дел, без угрызений совести перефразировал в своем «Твиттере» одну из самых известных фраз Муссолини: «Больше врагов, больше чести». В немецкой партии «Альтернатива для Германии» есть элементы, которые можно описать как поддерживающие неофашистскую и антисемитскую программу. У «Шведских демократов» есть неонацистская подоплека, и они традиционно ностальгируют по периоду между двумя мировыми войнами. Партия «Йоббик» в Венгрии продемонстрировала антирмские и антисемитские настроения, хотя в программе ее лидеры попытались смягчить свой ультра-националистический и ксенофобский имидж.

Это не означает, что все популистские партии правого толка тайно связаны с прошлым, потому что некоторые хотят полностью от него отделиться. Такие партии, как Австрийская партия свободы⁴ и Партия прогресса в Норвегии⁵, являются консервативными и традиционалистскими в том, что касается социальных вопросов, но поддерживают индивидуалистскую либеральную экономическую политику, а в некоторых случаях и антикапиталистическую риторику праворадикальных партий периода между двумя мировыми войнами. Скорее всего, успеха на выборах в современ-

² *Elgenius G., Rydgren J.* Frames of nostalgia and belonging: the resurgence of ethno-nationalism in Sweden // *European Societies*. 2018. July. DOI: 10.1080/14616696.2018.1494297. URL: <http://www.jensrydgren.com/EuropeanSocieties2018.pdf>.

³ См.: *Rydgren J.* Is extreme right-wing populism contagious? Explaining the emergence of a new party Family // *European Journal of Political Research*. 2005. № 44. P. 413–443.

⁴ *Heinisch R., Hauser K.* The mainstreaming of the Austrian Freedom Party: The more things change... // *Akkerman T., Lange S. L. de, Rooduijn M.* Radical Right-Wing Populist Parties in Europe: Into the mainstream? N. Y. : Routledge, 2016. P. 73–93.

⁵ О Партии прогресса см.: *Jupsås A. R.* The taming of the shrew: How the Progress Party (almost) became part of the mainstream // *Akkerman T., Lange S. L. de, Rooduijn M.* Radical Right-Wing Populist Parties in Europe: Into the mainstream? P. 169–192 ; *Allern E. H.* The Contemporary Relationship of «New Left» and «New Right» Parties with Interest Groups: Exceptional or Mainstream? The Case of Norway's Socialist Left and Progress Party // *Scandinavian Political Studies*. 2013. Vol. 36, iss. 1. P. 67–90 ; *Bjerkem J.* The Norwegian Progress Party: an established populist party // *European View*. 2016. № 15. P. 233–243 ; *Jupsås A. R.* Persistence of Populism: The Norwegian Progress Party, 1973–2009 : Ph.D. thesis. University of Oslo, 2015.

¹ См.: *Mouffe Ch.* For a Left Populism. P. 6, 11, 36.

ной Европе добьются те из них, кто соединит националистическую идеологию и консервативные культурные ценности с политикой социальной защиты. Это стало новой «победной формулой» праворадикальных партий, в отличие от комбинации неолиберализма и культурного традиционализма, которую Энтони Дж. Макганн и Герберт Китшелт предлагали в 1990-е годы¹.

Ян-Вернер Мюллер в своей ограничительной интерпретации популистской идеологии обходит ее исторические масштабы² и воздерживается от таких объясняющих факторов, как экономические кризисы и социальные потрясения. Более того, он не только включает все популистские партии правого толка в одну категорию, но и не проводит различий между авторитарными лидерами, такими как Реджеп Тайип Эрдоган и Виктор Орбан. Для противопоставления этому упрощению может быть полезно проанализировать популизм таким образом, как изучались партии правого толка, действовавшие в период между двумя войнами, то есть обратить больше внимания на то, что объединяет и разделяет радикалов и консерваторов. В Венгрии Орбан и его партия «Фидес», или Венгерский гражданский союз, резко передвинулась в правое крыло, многое позаимствовав у «Йоббика». Учитывая его националистическую программу и политику поощрения рождаемости, возможно, что Орбан в конце концов уйдет от своей традиционной консервативной базы и объединится с популистами. Но пока он следует гибридной стратегии, которая позволяет ему оставаться в обоих лагерях. Федеральный канцлер Австрии Себастьян Курц тоже включил в программу своей Австрийской партии свободы соответствующие элементы, сделав приоритетными вопросами борьбу с иммиграцией, шовинизмом благосостояния и политическим исламом. В то же время он идентифицирует себя с правоцентристскими консервативными партиями в Европейском парламенте. В отличие от Orbana, он выступает за европейский проект, критикуя венгерское правительство за подрыв независимости юридической системы. Таким образом, если идеологические линии консервативных правых партий могут пересекаться, то совсем необязательно, что они делают это в унисон.

Утверждение Мюллера, что популистские лидеры в целом не заинтересованы в активизации и мобилизации населения, ошибочно, потому что он не учитывает ключевые идеологические различия. Некоторые авторитарные лидеры, полагающиеся не на партии, а на государство, могут пытаться задушить активность простых людей. Но популистские лидеры, с энтузиазмом искавшие возможность работать вместе с авторитарными лидерами правого крыла, склонны стимулировать поддержку широких масс. По выражению Герберта Китшелта, такие партии, выросшие из общественно-политических движений, пытаются соединить деятельность на арене официальной демократической конкуренции с мобилизацией вне институтов³. Не имеет смысла и отказываться от социологического анализа избирательной базы популистов, как делает Мюллер, на основании того, что такие партии склонны «ловить

всех, кого удастся поймать». В 1930-е годы фашистские и праворадикальные партии привлекали избирателей из всех социальных слоев, но не в равной степени, как показывают многочисленные исследования состава их членов и избирательной базы⁴.

Праворадикальные и консервативные правые партии

Попытка многих популистских партий смягчить свой послыл об этнической эксклюзивности открыла возможности для сотрудничества с другими партиями. Однако в некоторых случаях правоцентристские партии по идеологическим причинам воздерживаются от любого вида сотрудничества с праворадикальными. В других случаях консерваторы могут править сами по себе или сотрудничая с другими центристами либо с социал-демократами. В Европе популистские партии в странах Скандинавии добились наибольшего успеха в плане признания другими партиями и интеграции в политическую систему. Более того, они стали правыми партнерами консервативных партий в Дании, Норвегии и Финляндии. Это означает, что либеральные и центристские партии стали менее влиятельными, чем в раньше. Швеция представляет собой аномалию: здесь либеральные партии решили перевернуться на другую сторону и поддерживать социал-демократов в коалиционном правительстве, чтобы установить санитарный кордон для сдерживания популистской партии «Шведские демократы»⁵. В то же время популисты правого толка конкурируют с консервативными партиями, чтобы стать вторыми по численности после социал-демократов в странах Скандинавии⁶. Точно так же

⁴ О социальной основе фашизма см.: *Childers T.* The Nazi Voter: The Social Foundations of Fascism in Germany, 1919–1945. Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 1983 ; *Falter J.* Hitlers Wähler. Munich : C. H. Beck Verlag, 1991 ; *Kater M. H.* The Nazi Party: A Social Profile of Its Members and Leaders, 1919–1945. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1983 ; *Brustein W.* The Political Geography of Belgian Fascism: the Case of Rexism // American Sociological Review. 1988. № 53. P. 939–950 ; *Hamilton R. F.* Who Voted for Hitler? Princeton : Princeton Univ. Press, 1982 ; *Lytelton A.* The Seizure of Power: Fascism in Italy, 1919–1929. L. : Weidenfeld and Nicolson, 1973 ; *Fameti P.* The Crisis of Parliamentary Democracy and the Takeover of the Fascist Dictatorship, 1919–1922 // Breakdown and Crisis of Democracies / J. Linz, A. Stepan (eds.). Baltimore : Johns Hopkins Press, 1979.

⁵ О партии «Шведские демократы» см.: *Norocel O. C.* Populist radical right protectors of the folkhem: Welfare chauvinism in Sweden // Critical Social Policy. 2016. Vol. 36, iss. 3. P. 371–390 ; *Erlingsson G. Ö., Vernby K., Öhrvall R.* The single-issue party thesis and the Sweden Democrats // Acta Politica. 2014. Vol. 49, iss. 2. P. 196–216 ; *Oskarson M., Demker M.* Room for Realignment : The Working Class Sympathy for Sweden Democrats // Government and Opposition. 2015. Vol. 50, iss. 4. P. 629–651 ; *Bolin N.* A Loyal Rookie? The Sweden Democrats' First Year in the European Parliament // The Polish Quarterly of International Affairs. 2015. № 2. P. 59–77 ; *Elgenius G., Rydgren J.* The Sweden Democrats and the ethnonationalist rhetoric of decay and betrayal // Sociologisk Forskning. 2017. Vol. 54, iss. 4 P. 353–358 ; *Norocel O. C.* «Give Us Back Sweden!» A Feminist Reading of the (Re)Interpretations of the Folkhem Conceptual Metaphor in Swedish Radical Right Populist Discourse // NORA — Nordic Journal of Feminist and Gender Research. 2013. Vol. 21, iss. 1. P. 4–20.

⁶ Даже финны потеряли большую часть поддержки после раскола на две партии. О популизме финского правого крыла см.: *Hatakka N.* When logics of party politics and online activism collide: The populist Finns Party's identity under negotiation // New Media & Society. 2017. Vol. 19, iss. 12. P. 2022–2038 ; *Sakki I., Hakoköngäs E., Petersson K.* Past and Present Nationalist Political Rhetoric in Finland: Changes and Continuities // J. Lang. Soc. Psychol. 2018.

¹ См.: *McGann A. J., Kitschelt H.* The New Radical Right in Europe. Ann Arbor : Univ. of Michigan, 1995.

² См.: *Müller J.-W.* What is Populism?

³ *Kitschelt H.* Movement parties // Handbook of party politics / R. S. Katz, W. Crotty (eds.). L. : Sage Publications, 2006. P. 280.

Австрийская партия свободы уже какое-то время является частью мейнстрима в Австрии и в настоящее время — младшим партнером в коалиционном правительстве совместно с консервативной Австрийской народной партией. А в Италии «Лига Севера» изначально хотела сохранить альянс с консервативной партией Сильвио Берлускони перед тем, как последняя согласилась не входить в правительство, чтобы открыть путь для формирования правительственной коалиции популистской партии правого крыла Сальвини и популистов левого толка, «Движения пяти звезд».

В некоторых странах исторические или идеологические факторы препятствуют любому сотрудничеству между консерваторами и популистами. В Германии Христианско-демократический союз был вынужден обновить свое коалиционное правительство с социал-демократами частично для того, чтобы предотвратить новые выборы, где «Альтернатива для Германии» могла бы улучшить свою недавно завоеванную позицию третьей по величине партии в бундестаге. Учитывая тень нацистского прошлого, Христианско-демократическому союзу будет чрезвычайно сложно решиться на любое сотрудничество с ультраправыми. Более консервативная, «сестринская» партия Христианско-демократического союза под названием Христианско-социальный союз также яростно выступает против этого, хотя и позаимствовала антииммигрантскую риторику у «Альтернативы для Германии». Не говоря уже о том, что президент Франции Эммануэль Макрон, который победил на президентских выборах Марин Ле Пен, продолжает политику своих предшественников, правых консерваторов и левых социалистов, отказываясь от любого сотрудничества с ультраправым «Национальным объединением» (или «Национальным фронтом», как партия называлась раньше)¹.

Другие консервативные партии, в частности в Венгрии и Польше, преобразовались в полуавторитарные партии правого крыла, которым хорошо удается идеологическая борьба с популистскими партиями. Например, «Фидес» сохраняет абсолютное большинство в парламенте Венгрии и заставила «Йоббик» искать идеологическое утешение среди слабых оппозиционных партий. В Чешской Республике, где премьер-министр Андрей Бабиш продемонстрировал полуавторитарные склонности, популисты правого крыла необходимы для поддержки правительства, но не играют основной роли, потому что задействованы и другие маленькие партии, включая коммунистов.

Таким образом, успех популистских правых партий во многих европейских странах парадоксально позволил им быть одновременно и системными дестабилизаторами, и стабилизаторами. С одной стороны, это разрушительная сила, которая выступает против элит, пытается изменить основную политическую линию по вопросам иммиграции, социального обеспечения, мультикультурализма и европейской интеграции. С другой — это адаптивная политическая сила, готовая на

политические альянсы, основанные на националистических и традиционалистских программах действий.

Заключение

Несмотря на возрождение праворадикальных сил по всей Европе, ни одной популистской партии не удалось монополизировать власть или сформировать свое правительство. Им пришлось «разбавить» свою радикальную программу в обмен на прямо или косвенно принятые на себя правительством обязательства² и удалось сыграть роль руководящей и направляющей силы в утверждении политической повестки в таких вопросах, как иммиграция³. Готовность вступать в коалиции перечеркивает ошибочные, но часто повторяемые заявления, что популисты считают незаконными всех политических конкурентов и элиты. Здесь можно четко увидеть сходство между настоящим и прошлым. Утверждение Мудде и Кальтвассера, что фашистские режимы скорее были элитарными, а не популистскими из-за идеологического упора на культ лидера и расовой политики, представляется неверным⁴. После того как фашисты пришли к власти в Германии и Италии, началась ожесточенная конкуренция между партией и государством, эхом повторяя напряжение, которое является неотъемлемой частью взаимоотношений старой гвардии и новых сил, или «патрициев» и «плебейских» элементов. Это помогает объяснить, почему консерваторы обычно сотрудничают с праворадикальными партиями: по необходимости, а не из-за родства идеологий. В Европе такой альянс в настоящее время наиболее очевиден в Скандинавии, но присутствует и в других странах, например в Австрии.

Популизм правого крыла — не возрождение фашизма, но и не вполне новое явление. Он связан с появлением в 1970-е годы партии, провозглашавшей отказ от повышения налогов и неолиберальные экономические программы. Как некоторое время назад сказал Роджер Гриффин, отказ популистских партий от мультикультурализма, их желание «чистоты», их ностальгия по мифическому миру «расовой однородности», а также по «четко установленным границам между разными культурами» и использование истории представляют собой обновленную версию все того же мифа⁵. Таким образом, нынешний «популистский момент», бросающий вызов либеральному порядку, пробуждает воспоминания, указывая на исторический след, и не только в отношении прошлых идеологий правых, но и, что более важно, их практик. И опять же некоторые консервативные партии приняли ключевые антилиберальные идеологические элементы программ праворадикальных партий как способ ответа на политическую конкуренцию. Остается открытым вопрос, кто именно, популисты или консерваторы, в конце концов добьется победы в политической борьбе.

² Jungar A.-C., Jupskås A. R. Populist Radical Right in the Nordic Region: A New and Distinct Party Family? // *Scandinavian Political Studies*. 2014. Vol. 37, iss. 3. P. 215–238.

³ См.: Lindsköld L. Contradicting Cultural Policy: A Comparative Study of the Cultural Policy of the Scandinavian Radical Right // *Nordisk kulturpolitisk tidskrift*. 2015. № 1. Aug. P. 8–26.

⁴ См.: Mudde C., Kaltwasser C. R. Populism. P. 33.

⁵ Griffin R. Interregnum or endgame? The radical right in the «post-fascist» era // *Journal of Political Ideologies*. 2000. Vol. 5, iss. 2. P. 163–178.

Vol. 37, iss. 2. P. 160–180; Welker A. Consolidation, Historiography and the Challenge of Populism in Finland // *Eur. Rev.* 2013. Vol. 21, iss. 4. P. 489–500.

¹ Mondon A. The Front National in the Twenty-First Century: From Pariah to Republican Democratic Contender // *Modern & Contemporary France*. 2014. Vol. 22, iss. 3. P. 301–320.